

СОЛНЦЕ

РОССІИ

Памяти А. П. Чехова.
(1904-1914 г.)

СОЛНЦЕ РОССИИ

*Незабвенной памяти
Антон Павловича Чехова
посвящается этот номер.*

Из истории одной Чеховской драмы.

Н. Е. Эфроса.

У прекраснейшей пьесы Чехова, «прелестной и грустной», есть ть осенняя роза, о которых говорить его Войнички, «Дядя Ваня», — довольно долгая, сложная и интересная литературная история, до сих пор остающаяся мало освещенною. История этого произведения, которое я уверенно ставлю на самое почетное место во всем пллнительном творчестве поэта сумеречного безвременья, скончавшагося в самый разгар нашего короткого общественного разсвта, — въ нбромъ родѣ и исторія роста, углубленія и утонченія его таланта, во всякомъ случаѣ — выразительнѣйшій примѣръ такого роста. Историки чеховскаго творчества, думается, не захотятъ возвращаться къ этой исторіи. Потому что, пожалуй, нидѣ еще нельзя такъ легко увидать расцвѣтъ чеховскаго дарованія, оцѣнить размѣры и значеніе пройденнаго его музеоу пути, какъ на двухъ, даже трехъ послѣдовательныхъ версіяхъ «Дяди Вани», на превращеніяхъ юмѣщика Виктора Коровина сначала въ Хрущова, потомъ и окончательно — въ доктора Астрова.

Впрочемъ, нужна оговорка. Есть мнѣніе, кажушееся во истину загадкою, будто «Лѣшій», т. е. первая форма «Дяди Вани», много выше прелестно и художественно значительностью, чѣмъ его послѣдняя форма, чѣмъ Чеховъ, когда снова приложилъ руку къ этому своему творенію, не улучшилъ его, но только ухудшилъ, испортилъ «Вы его, т. е. «Лѣшаго», окрасили, свели къ конспекту и обезличили», — писалъ искренно разогорченный кн. А. И. Урусовъ, перечитавъ «Дядю Ваню», и убѣждалъ Чехова ставить на сценѣ (это было за девять мѣсяцевъ до постановки пьесы въ Художественномъ театрѣ) не новую, но старую, первоначальную редакцію. Тѣ художественныя доводы, которые приводятъ этотъ обычно тонкій цѣнитель поэзіи, убѣждаютъ весьма мало; напротивъ, еще увеличиваютъ загадочность такого отношенія къ двумъ «Дядямъ Ванямъ». Кн. Урусовъ сокрушается о первоначальномъ финалѣ пьесы, «новомъ, смѣломъ и интересномъ», — хотя именно онъ — врядъ ли не самое слабое въ «Лѣшемъ», и какъ будто не замѣчаетъ поразительной, очаровывающей, заливающей грустью прелести заключительной сцены «Дяди Вани», которую нельзя ни читать, ни сморгнуть на сценѣ безъ слезы. Происходитъ кн. Урусовъ и о бычачьей исчезновеніи колѣпнаго «негодая», который и въ «Лѣшій» былъ только

лишний и не напрасно выведенъ Чеховымъ изъ новой редакціи.

Можетъ быть, разгадку этой критической загадки нужно искать въ нбкоторомъ побочномъ, чисто психологическомъ обстоятельстве. «Лѣшій» почти никому не понравился, ни т публикѣ, которая была на немногихъ его представленіяхъ въ московскомъ Абрамовскомъ театрѣ, ни газетнымъ критикамъ, ни тѣмъ чеховскимъ друзьямъ, которые прочитали пьесу въ рукописи (напечатана она такъ никогда и не была). Такихъ приверженный Чехову Плещеевъ, въ нбкоторомъ родѣ его литературный крестный отецъ, писалъ ему: «Лѣшій» меня не

А. И. Чеховъ съ сестрой Маріей и братомъ Иваномъ.

удовлетворилъ, это первая ваша вещь, которая меня не удовлетворила и не оставила во мнѣ никакого впечатлѣнія. Не довѣряя себѣ, Плещеевъ далъ рукопись Фаусеку, тоже восторженнѣйшему поклоннику Чехова, и тотъ, пишетъ Плещеевъ, — «высказалъ съ величайшимъ огорченіемъ совершенно то же». Тогда Плещеевъ уже смѣло порекомендовалъ поставить надъ пьесою крестъ.. Такъ же оцѣнили почти всѣ, не разглядѣвъ за недостатками художественныхъ достоинствъ «Лѣшаго». Кн. Урусовъ былъ одинъ, кто плѣнился этою пьесою, кто нѣжно ее полюбилъ. Его любовь раздѣлилъ лишь Мережковский, тогда еще мало извѣстный. «Старая любовь», — говорятъ нѣмцы, — не ржавѣетъ», и она ревнива. Да еще любовь въ такихъ условіяхъ, любовь наперекоръ общему мнѣнію, почти любовно-подвигъ. Можетъ быть, она-то и помѣшала потомъ кн. Урусову разглядѣть всѣ достоинства новой переработки драмы, вѣрзалась въ сравнительную оцѣнку обихъ версій «Дяди Вани». Такъ, и моей догадкѣ, разгадывается эта загадка...

Первый замыселъ пьесы относился къ осени 1888 г. Крайней мѣрѣ, лишь тогда появляются первыя опредѣленныя указанія на будущую пьесу. Въ эту пору Чеховъ особенно сблизился съ Сувориннымъ, который сталъ ближайшимъ и вѣрнымъ его литературнымъ другомъ. И у нихъ явилась мысль написать пьесу вмѣстѣ. Повидимому, инициатива такого совместнаго творчества принадлежала Чехову, которому видѣлся въ авторѣ «Татьяны Рыжиной» настоящій и сильный драматургъ. Но начало чеховскаго письма, написалъ Суворинъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это чехо-суворинское письмо и должно быть бытъ «Лѣшій». Не подлежитъ сомнѣнію, что разстроилась вся эта комбинація по инициативѣ Суворина. Чеховъ не разъ возвращался къ нему, уговаривалъ Суворина

А. П. Чеховъ (Ялта, 1903 г.).

ить драматурговъ»,—принялся за осуществленіе «Лѣшаго» инѣ.

Написанная имъ для Суворина «афиша пьесъ»—первый эмбрионъ «Дяди Вани». «Афиша»—обстоятельная, съ подробными характеристиками почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. И въ нѣкоторыхъ довольно четко проглядываютъ будущіе частности не только «Лѣшаго», но и «Дяди Вани», хотя еще подъ совѣсьми иными именами и со многими отличными чертами, бытовыми и психологическими. вмѣсто профессора Серебрякова обихъ пьесъ, изъ-за котораго въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ ополчились на «Лѣшаго» и даже говорили что-то не о песквилѣ, хотя его нѣтъ тамъ и въ намежѣ,—членъ ственнаго Совета Благосвѣтловъ, какъ и Серебряковъ, подаграю, ревматизмомъ, бессонницей, такъ жъ щей всѣхъ возиться со своею особою. «Не терпите, изуезть его чеховская афиша,—мистиковъ, фантазеровъ, выхъ, лириковъ, святошъ, не вѣруеть въ Бога и дѣтъ на весь мѣръ съ точки зрѣнія дѣла. Дѣло дѣло, а все остальное—взоръ или шарлатанство. Читайшь это, непременно вспоминаешь послѣднюю редакцію Серебрякова послѣдней редакціи—«Надо, господа, дѣло дѣлать!». Контуръ Благосвѣтлова принадлежитъ, судя по словамъ Чехова, Суворину. Отмѣчу тутъ же, что переродинъ шись въ «Лѣшемъ» въ профессора Серебрякова, этотъ персонажъ почти безъ перемѣнъ, во всякомъ случаѣ—безъ перемѣнъ существенныхъ для его образа,—перешель и въ «Дядю Ваню», такъ что отпадаетъ всякая возможность предположеній, что Чеховъ занялся переработкою своей пьесы изъ-за поднятаго ею въ нѣкоторыхъ кругахъ недовольства. Если бы было такъ, въ первую очередь подвергся бы измѣненіямъ профессоръ.

не отказываться. «Отчего вы отказываетесь писать вмѣстѣ «Лѣшаго»? — писалъ онъ Суворину приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ подробно изложилъ ему планъ пьесы. — Если бы пьеса не удалась, или если бы она пришлась вамъ почему-либо не по вкусу, то я далъ бы вамъ слово никогда не ставить ее и не печатать». И еще нѣсколько разъ загодить Чеховъ рѣчь на эту тему. Но отказъ его со-автора былъ, видимо, категорическій. И Чеховъ, хоть онъ и говорилъ какъ разъ въ это время о своей «нелюбви къ эшафотамъ, гдѣ казнятъ драматурговъ»,—принялся за осуществленіе «Лѣшаго» инѣ.

обозначень туманно. Но несомнѣнны и родственныя черты съ Жоржемъ первой редакціи, дядей Ваней—второй. Есть хотя бы такая помѣтка: «окалѣть, что не кралъ», «не ожидажь, что петербургская родня такъ плохо будетъ понимать его заслуги». Это отразится въ словахъ Войницкаго въ бурной сценѣ третьяго акта «Лѣшаго» и «Дяди Вани». Но наиболѣе существенно—«изъ меня могъ бы выйти Шопенгауэръ, Достоевскій»—это въ афишѣ нѣтъ и въ намежѣ, если не считать имъ слова «держитъ себя съ гороромъ». Между Жоржемъ и дядей Ваней отличій уже почти нѣтъ; есть одно лишь въ фабулѣ. Бурное объясненіе Войницкаго съ профессоромъ въ «Дядѣ Ванѣ», какъ извѣстно, кончается выстрѣломъ въ профессора и промахомъ; въ «Лѣшемъ» же Войницкій стрѣляетъ въ себя и умираеть, такъ что послѣдній актъ, вообще въ обихъ редакціяхъ совершенно различный, безъ всякихъ почти точекъ соприкосновенія, уже идетъ безъ этого персонажа.

А. П. Чеховъ (1897 г.).

Еще общее лицо всѣхъ трехъ версій—тотъ, кто въ концѣ концовъ станетъ докторомъ Астровымъ, и кто далъ имя первой пьесѣ. Я думаю, это—самая дорогая для Чехова фигура въ этомъ его произведеніи; для нея прежде всего написана пьеса, отъ нея пошла творческая работа. И когда, уже приближаясь къ концу работы, онъ писалъ, что «пьеса ужасно странная, и мнѣ удивительно, что изъ-подъ моего пера выходятъ такія странныя вещи»—онъ, думается, имѣлъ прежде всего въ виду именно самого «лѣшаго», который, какъ значится въ афишѣ,—«воплощаетъ свою идею не на полотнѣ, не на бумагѣ, а на землѣ, не мертвой краской, а организмами». Какъ зародилось это особое творчество? Афиша интересно рассказываетъ, что «какъ то, будучи гимназистомъ, онъ посадилъ у себя во дворѣ березку; когда она позеленѣла, и стала качаться отъ вѣтра, шелестѣть и бросать маленькую тѣнь, душа его наполнилась гордостью: онъ помогъ Богу создать новую березу. онъ сдѣлалъ такъ, что на землѣ стало однимъ деревомъ больше! Отсюда начало его своеобразнаго творчества». И приводятся слова о лѣсѣ и его значеніи, совсѣмъ аналогичныя съ тѣми, которыя войдутъ потомъ въ обѣ редакціи пьесы. «Онъ размахнулся мозгомъ, говоря про Керовина,—какъ пока называется Астровъ,—черезъ всю Россію и черезъ десять вѣковъ впередъ». Эти черты обростають постепенно другими, при чемъ образъ продѣлываетъ довольно сложную эволюцію. Будучи Хрущовымъ, Астровъ,

А. П. Чеховъ (Ялта, 1904 г.).

Вмѣсто Жоржа Войницкаго «Лѣшаго» и дяди Вани послѣдней редакціи въ афишѣ—Василій Гавриловичъ Волковъ, какъ и въ послѣдующихъ редакціяхъ—братъ покойной жены Благосвѣтлова—Серебрякова; и какъ и они, управлять серебряковскимъ имѣніемъ. Въ остальномъ образъ

А. П. Чеховъ съ поэтомъ И. А. Бунинымъ (1902 г.).

между прочим, не прочь порезонировать, протестовать против ярлыков—«демократ», «народник», рекомендует смотреть на жизнь и людей просто, «без задних мыслей и без программы». И еще нѣтъ въ немъ этой глубокой скорби,—тѣ, которые будутъ жить черезъ сто, двѣсти лѣтъ послѣ насъ и для которыхъ мы теперь пробиваемъ дорогу, помянуть ли насъ добрымъ словомъ? Вѣдь не помянутъ...» По значительности и глубинѣ на сторонѣ Астрова, какъ художественнаго образа,—громадный перевѣсъ надъ Хрущовымъ.

И внѣшняя ситуація значительно иная. Въ «Лѣшемъ» онъ влюбленъ въ Соню, мечтаетъ сдѣлать ее своею женою, вырвать изъ затхлой атмосферы серебряковскаго дома, но думаетъ, что Соня его не любитъ. Въ «Дядѣ Ванѣ» Елена Андреевна проситъ его—«перестаньте бывать здѣсь», потому что это терзаетъ безнадежно влюбленную Соню; въ «Лѣшемъ» ту же просьбу обращаетъ къ нему сама Соня—«уходите, умоляю... Не бывайте у насъ, не бывайте»—потому что объясненіе между ними ничего не объясняетъ, и оба остаются въ великомъ недоразумѣніи. Но въ заключительномъ актѣ «Лѣшаго», происходящемъ на мельницѣ у Вафли, любовное недоразумѣніе, наконецъ, разъясняется, Соня и Лѣшій—счастливые женихъ и невеста...

Совсѣмъ не та и Соня. Еще есть нѣкоторое сходство между Настей «афиши» и Соней «Лѣшаго», гдѣ она—разборчивая невеста, мечтаетъ имѣть мужемъ «непрѣмнѣно Гумбольда, Эдиссона», склонна къ сухой рефлексіи. Въ «афишѣ» про нее говорится: «за Пушкина или Эдиссона она вышла бы съ удовольствіемъ, она бы влюбилась, но за хорошаго человѣка она пойдетъ только отъ скуки; мужа будетъ уважать, а дѣтей любить».

«Любовное объясненіе я придумалъ феноменальное»,—прибавляетъ Чеховъ. Можно догадываться, что это—все та же сцена ночью у буфета, когда Соня и Астровъ послѣдней редакціи закусываютъ, и она спрашиваетъ его: «скажите мнѣ... еслибы у меня была подруга, или младшая сестра, и еслибы вы узнали, что она»... Но на мѣсто прежней Насти и Сони Чеховъ, оставивъ ее дочерью Серебрякова-Благосвѣтлова отъ перваго брака, поставилъ совершенно иное лицо, одинъ изъ самыхъ трогательныхъ и лучезарныхъ своихъ женскихъ образовъ, вручилъ ему самыя трогательныя свои слова—«милосердіе наполнить собою міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка»...

Въ первоначальномъ замыслѣ пьесы, какъ онъ выразилъ въ «афишѣ», еще цѣлый рядъ лицъ: сынъ Благосвѣтлова, студентъ-юнецъ, старикъ Анучинъ, который, можетъ быть, совершенно преобразившись въ «Лѣшемъ», сталъ Вафлей, сверстникъ Лѣшаго Галаховъ, дочь будущаго Войничкаго, странникъ Феодосій, восьмидесятилѣтній старикъ, николаевскій солдатъ, который кланяется всѣмъ въ ноги, цѣлуетъ въ плечико (это затѣмъ отдано Вафлѣ) и насильно цѣлуетъ дамъ. Всѣ эти фигуры ликвидированы въ «Лѣшемъ». вмѣсто нихъ тамъ Орловскій—отецъ, веселый старикъ, влюбленный въ сына, и Орловскій—сынъ, съ бурной, грубой и наглою натурою, собирающийся покорить профессоршу, желчный богачъ помѣщикъ Желтухинъ и т. д. Эти всѣ въ свою очередь ликвидированы Чеховымъ въ «Дядѣ Ванѣ». И нужно сознаться, совершенно напрасно жалѣть и кручинится объ нихъ влюбленный въ «Лѣшаго» кн. Урусовъ. Они—не къ украшенію «Лѣшаго». За то всѣ оставшіяся въ «Дядѣ Ванѣ» фигуры весьма углублены, всѣ стали значительно и художественно-богаче. Читатель можетъ заключить объ этомъ даже и по тѣмъ немногимъ сопоставленіямъ, какія сдѣланы выше, особенно Астровъ и Соня, затѣмъ Войничкай. И вся драма окружилась такою атмосферою тончайшей поэзіи, проникнута такимъ глубокимъ лиризмомъ, отразила такъ плѣнительно самое сокровенное въ душѣ и мечтахъ Чехова, что она вознеслась неизмѣримо высоко надъ «Лѣшимъ», какъ ни богатъ и онъ художественною прелестью.

Повидимому, Чеховъ былъ совершенно искрененъ, когда отзывался о «Лѣшемъ» очень сурово, куда суровѣе, чѣмъ стоитъ первоначальная его пьеса. Еще когда она не была окончена, онъ писалъ, что «выходитъ скучища въ родѣ Натана Мудраго». Правда, вскорѣ затѣмъ онъ писалъ, что «вылились у меня лица положительно новыя». И былъ какъ будто пьесою до-

А. П. Чеховъ (Ялта, 1902 г.).

А. П. Чеховъ (Ялта, 1903 г.).

вольенъ. Но послѣ ея постановки на сценѣ писалъ: «для меня было бы истиннымъ ударомъ еслибы какія-нибудь силы и влекли эту пьесу изъ-подъ спудъ и заставили жить».

Нѣсколько словъ внѣшне исторіи занимающихъ насъ пьесъ. Осенью 1889 г. «Лѣшій» былъ готовъ. Его пожелалъ поставить Малый театръ. Пьеса пошла въ литературно-театральный комитетъ. И тамъ была рѣшительно забракована. Чеховъ предложилъ пьесу передѣлать. Онъ отъ передѣлки отказался. Рѣшилъ отдать въ частныя театры. «Пусть слоняется, актънъ нераскаяннаго грѣшника изъ вертепа въ вертепъ, изъ потемокъ во мглу». Пьесу сыграли въ Абрамовскомъ театрѣ. безъ успѣха, и она канула въ Лету. Не состоялось и напечатаніе ея въ «Сѣверномъ Вѣстни-

кѣ», такъ какъ журналъ какъ-разъ въ это время закрылся. Сохранилась пьеса только въ литографированномъ театральномъ изданіи, да и его теперь можно розыскать лишь съ очень большимъ трудомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Чеховъ превратилъ «Лѣшаго» въ «Дядю Ваню», впервые напечаталъ въ небольшомъ томикѣ своихъ пьесъ. Опять Малый театръ собрался ставить «Дядю Ваню», и опять литературно-театральный комитетъ пьесу не пропустилъ, опять предложилъ передѣлать. Тогда Чеховъ отдалъ «Дядю Ваню» въ Художественный театръ. 26-го октября 1899 г. это прекраснѣшее драматическое произведеніе Чехова, какъ осеннія розы «прелестное и грустное», было сыграно. И началась славная, всѣмъ хорошо извѣстная его театральная жизнь.

А. П. Чеховъ (Ялта, 1897 г.).